

Все, о чем она могла думать в тот момент, - это о том, что ее самый дорогой детеныш будет нуждаться в ней. Последняя настоящая семья Гарри исчезла, и все, что можно было сделать, - это шептать в страхе о Волдеморте или открыто обвинять ребенка в том, что он не победил его во время дуэли.

Победить его? Какое безумие: выставять пятнадцатилетнего подростка против мастера колдовства с многолетним опытом и склонностью к убийствам.

Она вышла из больницы на шатких ногах, с тростью в руках, но... слишком поздно.

Не успела она дойти до дверей замка, как на лужайку с истошным воплем опустилась маленькая фигурка.

С расстояния, на котором она находилась, она не могла разглядеть, кто это, но она знала. Она знала, что это ее дорогой детеныш. Она чувствовала, как ее сердце разбивается так же, как и у него в тот момент.

Она бы упала на землю, чтобы выплеснуть свое горе, если бы не слабая надежда на то, что он еще может выжить, как бы невозможно это ни звучало.

Но когда ещё невозможное не связывалось с Гарри Поттером?

Она горячо просила и умоляла всех, кого знала, пощадить мальчика и тем самым избавить от него всех нас. Она знала, что предрекает "пророчество", как знала и видела все многочисленные махинации Дамблдора, чтобы оно сбылось.

Она много раз проклинала себя за то, что позволила его мнению устоять. И вот, наконец, когда она раз и навсегда решила вступить за мальчика... только слишком поздно.

Что касается остальных жителей Магической Британии, то ей было наплевать. Они сами совершили свои ошибки, и их ждет справедливое возмездие. Все, что ее волновало, все, что ей было дорого, лежало в ее руках. Его драгоценная жизнь растекалась по лужайке, а некогда яркие зеленые глаза тускнели.

Последний луч сумерек держал их в плену, словно сам мир пытался продержаться еще мгновение, чтобы удержать темноту на расстоянии, цепляясь за сломанную фигуру мальчика в отчаянной надежде.

Казалось, сам мир затаил дыхание.

В это мгновение перед глазами Минервы предстало чудо: грудь мальчика поднялась и опустилась... и снова поднялась.

Минерва с новой надеждой произнесла самое сильное заклинание, какое только знала, и, прижав мальчика к груди, направилась к дальним воротам, чтобы аппарировать в больницу Св. Мунго, не решаясь доверить его даже мадам Помфри, которая была сторонницей Дамблдора до мозга костей.

Позже в тот же день...

"Мёртв..." - донёлся отчаянный голос из входа в Большой зал. "Ребенок мертв..." Минерва сделала паузу, вытирая глаза льняным платком, который уже успел намокнуть.

Шум от приглушенных разговоров затих с самого начала. Теперь зал наполнился шокированными вздохами отрицания и воплями ужаса.

Никто не потрудился спросить, кого она имела в виду, - они знали. Они знали, кто в конечном итоге несет ответственность... они сами. Все они в той или иной мере внесли свой вклад.

Профессор Макгонагал устало вошла в зал. Ее тартановая мантия была испачкана большим количеством крови - его крови.

Молодые ведьмы начали открыто плакать в свои руки или падать в объятия друг друга, когда шок прошел и пришло успокоение.

Макгонагал остановилась у гриффиндорского стола, где никто не осмелился встретить ее обвиняющий взгляд.

Она знала, что они сделали. Она поняла это с того самого момента, как ее глаза заметили пропавшую эмблему на его испачканной кровью мантии.

Без предисловий она произнесла заклинание (как глава дома), которое сняло с мантии всех членов стола эмблему. "Я не вижу здесь ни одного гриффиндорца", - объявила она с презрением, звучащим в каждом ее слове.

"Минерва... возможно..." подал голос Дамблдор, поднимаясь со своего места.

Глаза МакГонагал метнулись к столу, стоявшему во главе стола. "Молчи, дурак!" - прошипела она, испытывая легкое удовлетворение от того, как он с бледным лицом откинулся в кресле.

"Неужели ты наконец-то почувствовал себя оправданным?" - прорычала она с презрением, направив свой гнев на человека, ответственного за сегодняшнюю трагедию. "Наконец-то вы забрали у ребенка все, что могли, отняв последнее, что у него было, - его жизнь?"

Дамблдор, казалось, съежился и стал выглядеть дряхлым стариком, которого его годы должны

были, но никогда не выдавали.

МакГонагал повернула нож. "У него не было даже отдаленного подобия жизни... Вы лично позаботились об этом, поместив его к нерадивым, жестоким родственникам, которые презирали его не по его вине, а только за то, что он родился волшебником. Но этого было недостаточно... нет?" - она торжествующе ухмыльнулась, перехватывая горло.

"Когда ему наконец позволили сбежать от мучителей, вы заменили одно издевательство на другое, натравив на него своего любимца Пожирателя смерти". Минерва многозначительно кивнула подбородком в сторону Снейпа, который все еще в шоке смотрел на разворачивающуюся вокруг него драму.

Студенты открыто плакали от стыда и сожаления, как и многие сотрудники.

Временно переключив свой бушующий гнев с Дамблдора на Снейпа, она спросила. "Доволен собой, Северус?" - промурлыкала она, не испытывая ничего, кроме сочувствия к его судьбе.

Она многозначительно потянула за мантию. "Это все, что осталось от ребенка Лили в этих стенах".

Снейп в отчаянии опустил глаза на остывающее блюдо.

"Посмотри на это, черт тебя побери!" крикнула ему в лицо МакГонагал.

Снейп снова поднял глаза и в ужасе уставился на витрину. Едкий запах крови ударил ему в нос, и он боролся с желчью, грозящей подняться по задней стенке горла.

"Ты всегда хотел его крови, так вот она здесь. Скажи мне... какая половина принадлежит твоей любимой Лили, а какая - твоему ненавистному заклятому врагу со школьного двора?"

<http://tl.rulate.ru/book/104997/3690083>